

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Виктор
ГУРА

Дом за домом таяла и совсем еще при жизни писателя исчезла деревушка Поповская, что стояла когда-то недалеко от Устья-Кубенского. В этой деревне 26 февраля 1904 года родился Константин Иванович Коничев. Здесь промелькнуло его не веселое детство, отсюда черпались первые представления о жизни, о человеческих отношениях. Родная деревня прошла через его грустные воспоминания, через рассказы о молодости, через биографические повествования.

Семья Коничевых жила бедно, перебиваясь с хлеба на воду.

Весть о великих событиях в Петрограде докатилась глубоко осенью 1917 года и до деревушки Поповской. Знаменитые ленинские Декреты о земле, о мире взволновали крестьян.

Коничев в эти годы борется с кулаками, выявляет у них для нужд фронта излишки хлеба, работает в комбед, тачает сапоги для бойцов Северного фронта. Зимой 1920 года добровольцем уходит он в Красную Армию.

После того, как красные войска сбросили в море англо-американских захватчиков, Коничев возвращается в Усть-Кубенское и снова садится за сапожный верстак. Сняв по вечерам пропитанный дегтем фартук, он пробует писать стихи — лирические и пафосные, частушки и раешники, но обличительные заметки получались лучше всего. В это время и началась его селькоровская работа на страницах губернской газеты «Красный Север», во главе которой стояли коммунисты Н. В. Елизаров и А. А. Субботин.

Молодой селькор обличал кулаков, спекулянтов, самогонщиков, бичевал бюрократов и взяточников, вел антирелигиозную пропаганду.

Вскоре селькор вступил в комсомол (1923 г.), стал избачем в Усть-Кубенском, перед ним открылись двери губернской совпартшколы. В двадцатые годы коммунист Коничев отдавал все свои силы строительству новой жизни на Севере. В кабинете писателя долгие годы висела карта Вологодской области, исчерпанная красными кружочками. Ими отмечались места, где побывал он в то горячее время. Водоликом на баржах прошел он всю Марининскую систему до Вытегры, агитировал крестьян вологодских деревень, забирался в глухие домшинские и чебсарские леса. Судьба бросала его из Вологды в Сыктывкар, из Сыктывкара в Архангельск...

Бурные события тех лет, яркие судьбы людей, с которыми шел будущий писатель по целине новой жизни, провели глубокую борозду и в его сердце. Это было время рождения Константина Коничева как писателя, время появления первых его очерков и рассказов, возникновения больших повествовательных замыслов.

Однажды, в сентябре 1925 года, как вспоминал вологодский поэт Борис Непенин, в гостинице «Золотой якорь» на заседании группы пролетарских писателей «Борьба» впервые появился деревенского вида паренек. В журналистских кругах его уже знали как селькора из Устья. Вскоре он принес на обсуждение свою бибальщину «Дунькина расправа», а затем и рассказ «Комбед Турка».

Рассказом «Комбед Турка» открыл Коничев и свою первую, вышедшую в Вологде совсем тоненькую книжицу литературно бесхитростных рассказов, в сущности тех же бибальщин — «Тропы деревенские» (1929). Поначалу молодой литератор радовался выходу в свет этой книжки, но вскоре осудил ее слишком строго: «Троп в ней никаких

не было. А были задворки — теневые стороны деревни...».

И все-таки книжица эта была замечена на литературном небосклоне конца двадцатых годов, кануна бурных событий коллективизации в деревне. В очень еще несовершенных рассказах Коничева уже проглядывало то, что становилось характерной особенностью его как писателя — большая любовь к родному краю, к быту северян, к их острому живому слову. Любопытство писателя пронес через личное участие в социалистическом строительстве северной деревни, через трудные свои искания как литератора в тридцатые годы.

Время это оказалось так стремительно, так насыщено переменами, участием в повседневных делах северного края, что возможности полностью отдаться творческой работе, возникавшим творческим замыслам просто не было. Даже в Литературном институте пришлось учиться только заочно. Правда, именно в эти годы довелось познакомиться с крупнейшими писателями — А. Серафимовичем, В. Вересаевым, А. Толстым, М. Пришвиным, Л. Леонидовым, слушать их выступления, постигать художественный опыт, а с некоторыми из них завязывались и дружеские отношения.

В середине тридцатых годов выходят в свет отдельными изданиями повести Константина Коничева «Лесная быль» (1934), «По следам молодости» (1936), очерки «Боевые дни» (1938), «За Родину» (1939). Многим из них не суждено было жить долгой самостоятельной жизнью — сказывалась газетная поспешность, селькоровская «скоропись». Но книги эти стали основой будущих работ писателя. Из них вырастали и «Деревенская повесть», и «К северу от Вологды». В предвоенные годы начата была и «Повесть о Федоте Шубине», открывшая цикл историко-биографических повествований Коничева о талантливых людях Севера.

Отечественная война оборвала творческие искания писателя: Коничев ушел защищать Родину. Случилось так, что его фронтовая жизнь началась в войсках, оборонявших Вологодскую область. Здесь произошло и первое боевое крещение. С ротой дивизионных разведчиков капитан Коничев ходил в тыл врага, а потом участвовал в боях почти на всех направлениях Карельского фронта.

В 1945 году К. И. Коничев оказался на Дальнем Востоке и воевал еще против японских милитаристов в Маньчжурии и Корее. События этих лет отражены в его книге «От Карелии до Кореи» (1948). Записки офицера Коничева занимают особое место среди книг об Отечественной войне, в них бережно сохранены солдатские были, живое народное слово.

Вернувшись после войны к литературному труду, писатель много сил отдал возрождению в Архангельске едва ли не единственной тогда на Севере писательской организации. Он встал во главе альманаха «Север», был главным редактором книжного издательства в Архангельске, а затем и главным редактором Лениздата. Приходом в литературу ему обязаны многие архангелогородские литераторы. Частым и желанным гостем был Коничев в эти же годы и у вологжан — вел семинары молодых писателей, поддерживал их добрым словом, помогал рождению новых книг, был их первым критиком.

Напряженно работал Константин Иванович и над своими рукописями, вовремя завершить которые помешала война. Как-то еще перед войной прочитал он А. С. Серафи-

мовичу несколько глав «Деревенской повести». Большой художник одобрительно отозвался о начатой работе, отметил сочность написанных страниц, знание сельской жизни. «Пшши...» — напутствовал старший писатель, — получится хорошая документальная повесть. Это же история вологодской деревни. Люди прочтут с интересом».

В «Деревенской повести» Константин Коничев впервые предстал как талантливый бытописатель северной деревни. Взятые из жизни бытовые сцены и картины этнографически точны и одновременно самобытны. Автор «Деревенской повести» не только знаток и исследователь устной поэзии Севера, но и ее активный поэт. Он рос в самой гуще народной словесности. Отсюда — и неповторимая народная основа, и живые северные краски его «Деревенской повести».

Не один заход к изображению судеб северного крестьянства в советское время делал писателя, протягивая незримые повествовательные нити от «Деревенской повести» к повести «В году тридцатом», посвященной изображению коллективизации деревни.

Константину Ивановичу всегда были по душе характеры пытливых, выносливых, не склоняющихся ни перед какими невзгодами северян, людей доброй души и больших дел. Еще в очерковой книге «Люди больших дел» (1949) он рисовал портреты выдающихся деятелей Севера — мореходов, кораблестроителей, покорителей Арктики, людей науки и искусства. Русский национальный гений Михаил Ломоносов и его земляк, скульптор — академик Федот Шубин, знаменитые землепроходцы — устюжане Семен Дежнев и Владимир Атласов, солтыгудский крестьянин Ерофей Хабаров и каргополец Александр Баранов, капитан ледокола «Седов» Владимир Воронин — все это «люди больших дел», сыны сурового и прекрасного русского Севера.

От очерков «Люди больших дел» К. Коничев шел к историко-биографическим повестям о судьбах выдающихся русских людей, связанных с Севером. Одна за другой выходят из-под его пера «Повесть о Федоте Шубине» (1951), «Повесть о Верецагине» (1956), «Повесть о Воронихе» (1959), «Русский самородок», «Повесть о Сытыне» (1966).

В этих книгах К. Коничев с присущей ему настойчивостью и постоянством стремится проникнуть в глубины характера русского человека-северянина, пытливого, гордого, настойчивого в утверждении своего права обогатить русскую нацию.

От повествования о выдающихся деятелях прошлого писатель свободно переходил к рассказам о прославленных людях наших дней и так же живо рисовал знатного мастера торпедного удара онежанина Александра Шабалина, героя гражданской войны Хаджи Мурата Дзарахохова, пограничника-вологжанина Андрея Коробицына, героически погибшего при защите рубежей Родины, вологодской свиначки Александры Люсковой, нецензурного Тихона Выхло. Писатель не проходил мимо тех, кто сегодня славится делом своим.

Нет, не иссякла красота души северян! Она и поныне жива в славных делах современников. Большие преобразования на Севере вдохновляли Коничева на новые книги.

В Череповце возводилась первая домна, и писатель нашел время оторваться от других своих дел, чтобы присутствовать при рождении металлургического гиганта. С тех пор он часто гостил у черепо-

вецких металлургов, месяцами жил среди них, писал повесть о современниках, о людях, преобразующих лик когда-то глухого края.

Когда мощные экскаваторы вгрызались в земли древнего Белозерья, чтобы проложить новый водный путь на месте отжившей Марининской системы, Коничев не усадил за письменным столом. Не терпелось ему своими глазами увидеть тех людей, что несли новь его родным краям, тех, кто своими делами заслужил право стать героями очерков и повестей.

Вскоре после войны, занимаясь как депутат городского Совета делами краеведческого музея в Архангельске, Константин Коничев обнаружил хранившуюся в сырости, позеленевшую скульптуру Петра Первого работы Павла Антокольского. Пришлось немало сил потратить, чтобы памятник этот занял свое место на берегу Северной Двины. Кто знает, быть может, в это время и возник замысел большого повествования о роли Петра Первого в преобразовании русского Севера.

В традиционном, казалось бы, для себя жанре Коничев создавал нетрадиционное повествование о Петре Первом, о делах его и сподвижниках на Севере, писанное «по документам и преданиям». Его повесть своеобразна не только интонацией достоверного авторского рассказа, хронологически последовательным изображением важнейших, связанных с биографией Петра эпизодов, судеб близких ему людей из народа и сподвижников на Севере.

Повествование «Петр Первый на Севере» (1973) стало, можно сказать, заветной книгой писателя, но выхода ее в свет он не дождался, слишком долго его детище преодолевало издательские барьеры.

Не довелось писателю подержать в руках и последнюю свою книгу «Из моей копилки» (1974). Она создавалась уже в дни его болезни, писалась запятыми и, несмотря на недуги, с азартом и удовольствием. Все уже было дано выношено, каждый рассказ ложился на бумагу почти без поправок. Писатель с великой радостью сообщал друзьям о хорошо начатой весной 1969 года работе по сооружению книжки коротких записей, этюдов, воспоминаний и раздумий о своем прошлом.

Многие последние месяцы жизни провел писатель в больнице. Шли от него и тревожные письма и обнадеживающие вести. Он гнал прочь мысли о смерти, мечтал вернуться на Дворцовую набережную к своему, может быть, последнему окну. Думал и на родине побывать и очень тосковал о родной земле. Прикоснулся он к ней, казалось, и снова вернулся силы. «Я со своей болезнью», — писал в Вологду Константин Иванович, — разменял второй год лежания. Думаю о своей былой ленивости, о малости общения с природой, о многом невысказанном и недосказанном... С больничной койки никак не могу три месяца уже сорваться... Очень хочу побывать в Вологде и около. Два месяца был!».

Мечте этой не суждено было сбыться. 2 мая 1974 года К. И. Коничев не стало. В могилу писателя легла и горсть родной вологодской земли. Ее привезли из Устья-Кубенского земляки.

У писателя была завидная и — это уж точно — добрая память. Пусть и о нем, умершем любить и ценить людей, живет память добрая и светлая.

НА СНИМКЕ: писатель К. И. Коничев, 1970 г.

Фоторепродукция
Н. ЧЕСНОВА.